

Дальнейшее изучение взаимоотношений между Спартокидами, Нимфеем и Афинами в конце V — начале IV в. до н. э., возможно, даст новый материал для выяснения роли Нимфея в этот период и его взаимоотношений с Афинами и Боспорским царством.

И. Б. Брашинский

НАДПИСИ АРТАКСИЯ (АРТАШЕСА I), ЦАРЯ АРМЕНИИ

Среди памятников арамейского письма, найденных на территории СССР, число которых все время растет, одними из наиболее интересных и исторически значительных являются две каменные стелы, найденные невдалеке от Севанского озера¹.

История их находки и прочтения подробно изложена в специальной статье выдающегося семитолога А. Я. Борисова², которому по праву принадлежит первенство в деле связного чтения, перевода и исторического толкования их текста.

К 1934 г. относится первая попытка А. Я. Борисова прочесть надписи (по фотографиям). Однако ввиду неясности знаков на имевшемся в его распоряжении снимке А. Я. Борисов смог тогда только установить арамейский характер писем и прочесть начало имени Артаксеркса (?) в первой строке надписи А; от чтения надписей целиком по этой фотографии А. Я. Борисов сознательно отказался. Лишь получив эстампажи с надписей, А. Я. Борисов предложил в 1939 г. полное чтение обеих надписей, но перевести решился лишь три строки надписи А и совпадающие с ними две с половиной строки надписи Б. Дату обеих он определял временем Артаксия (Арташеса I, 189 — ок. 160 гг. до н. э.), царя Армении, при котором Армения освободилась от владычества Селевкидов и стала самостоятельным государством.

А. Я. Борисов читал севанские надписи следующим образом:

А

1. ʔRTHSSY₂. MLK BR ZY 3. ZRYTR 4. RWNDKNḤLT³ 5. [.....]
1. Артаксий, 2. царь, сын 3. Зариатра 4. 5.

Б

1. [ʔR]THSSY 2. [ML]K BR ZY 3. [ZR]YTR ḤL[T] 4. ... BYN ...
5.Y.....
1. [Ар] таксий 2. [ца]рь, сын 3. [Зар]иатра ... 4. 5.

Последняя сохранившаяся строка текста А, по мнению А. Я. Борисова, чтению по-арамейски не поддается. По этой причине, а также учитывая нарушающую законы арамейского синтаксиса конструкцию MLK BR ZY ... (о чем ниже), он высказал предположение, что арамейские слова здесь — идеограммы, скрывающие несемитский язык, быть может — древнеармянский⁴.

¹ Первая (А) — на юго-западном побережье, у селения Кармир (б. Кулали) близ Нор-Баязета (найдена в 1906 г. Е. Лалаяном), вторая (Б) — в 30 км к востоку от места находки первой стелы, у селения Каранлух (б. Верхний Каранлух) б. Мартунийского района (найдена в 1932 г. С. Бархударяном).

² А. Я. Б о р и с о в, Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении, ВДИ, 1946, № 2, стр. 97—104.

³ Или DWNRKḤLT.

⁴ Уже после сдачи настоящей работы в печать вышла в свет монография К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э.—IV в. н. э.), М.—Л., 1953, одна из глав которой — «Две надписи арамейским письмом, найденные в районе озера Севан в 1906 и 1932 гг.» позволяет в настоящее время не останавливаться подробно на ряде вопросов, связанных с находкой севанских надписей, ограничиваясь ссылками на указанную монографию. В книге К. В. Тревер над-

Работа А. Я. Борисова была опубликована на армянском языке в газете «Советакан Айастан» от 16 февраля 1941 г., а затем в 1946 г. в «Вестнике древней истории» (№ 2, стр. 97—104). К сожалению, к последней статье не могли быть приложены воспроизведения надписей, так как она публиковалась после смерти автора, погибшего в 1942 г.

В том же 1946 г. французский семитолог-эпиграфист А. Дюпон-Соммер предпринял другую попытку чтения этих надписей¹.

А. Дюпон-Соммер не был еще знаком со статьей А. Я. Борисова в ВДИ, хотя она и была опубликована до выхода в свет XXV тома «Syria». Он читал по фотографиям, присланным в свое время в Париж после находки одной из стел, — видимо, по тем самым фотографиям, по которым А. Я. Борисов читать отказался. Кроме того, позже он воспользовался статьей в газете «Советакан Айастан»².

Дюпон-Соммер читает надписи полностью по-арамейски, следующим образом:

А

1. ³RTḤŠSY 2. [MLK BR ZY 3. [ZR]YTR 4. NWN³ KN ḤLS
4. Артахшасай, 2. царь, сын 3. Зариатра, 4. рыбу здесь тянул.

Б

1. ¹R]TḤŠSY 2. [ML]K BR ZY 5. [ZR]YTR ḤL[Š] 4. [K]N BYN[Y] 5. [T]Y
1. [Ар]тахшасай, 2. [ца]рь, сын 3. [Зар]иатра, тян[ул] 4. [зд]есь ка[р-]
5. -[п]ов.

Итак, в чтении первых трех строк Дюпон-Соммер не разошелся с А. Я. Борисовым³, приоритет которого он здесь отмечает. Зато в остальном Дюпон-Соммер дает существенно иное чтение, из которого вытекает другое толкование назначения самих стел.

В отношении датировки памятников Дюпон-Соммер не расходится с А. Я. Борисовым, но полагает, что они свидетельствуют о ловле рыбы в Севанском озере царем Артаксием, причем высказывает мнение, что между выступами, которыми стелы заканчиваются сверху, тянулись веревки от сетей, для того чтобы царю не приходилось наклоняться(!)⁴.

писи А и Б воспроизведены по А. Дюпон-Соммеру не вполне точно; другое воспроизведение надписи «А» (также не вполне точное) имеется в кн. «История армянского народа», ч. I, под ред. Б. Н. Аракеляна и А. Р. Ионисяна, Ереван, 1951, стр. 34.

¹ CRAI, Janv.-mars, 1946, стр. 126 сл.; также A. Dupont-Sommer, Les inscriptions araméennes trouvées près du lac Sévan (Arménie), «Syria», XXV, 1—2 (1946—1948), стр. 53—66.

² Неизвестной осталась как А. Дюпон-Соммеру, так и другим западным арамеистам и другая статья А. Я. Борисова, посвященная надписи на блюде из Бори («Сообщения Гос. Эрмятажа», IV, 1947, стр. 8).

³ За исключением иной — с нашей точки зрения, неправильной — огласовки имени ³RTḤŠSY.

⁴ «Syria», XXV, 1—2, стр. 63. Ошибочность подобного предположения (высота стел — 42 см!) убедительно показывает К. В. Тревер, ук. соч., стр. 170—171. Места находки стел расположены на расстоянии нескольких километров от берега озера Севан. Как известно, береговая линия этого озера в древности лежала значительно ниже (а следовательно, дальше от места находок), чем в настоящее время; поэтому вряд ли стелы первоначально были расположены именно на берегу озера (скорее, скажем, вдоль приозерной дороги). Между выступами одной из стел действительно имеются потертости; их происхождение акад. И. А. Орбели объяснил нам существованием старинного армянского поверия, по которому древние камни с надпи-

В 1950 г. в другом месте побережья Севанского озера была найдена еще одна стела такого же типа — В.

Статья Дюпон-Соммера и находка новой надписи побудили нас еще раз пересмотреть вопрос о чтении севанских текстов. Для работы мы получили прекрасные новые эстампажи с надписей А и В¹, а также фотографию (с поясняющей ее эскизной прорисовкой) с надписи В² и эстампаж с нее.

Не касаясь пока эпиграфической стороны дела, попытаемся показать, что чтение Дюпон-Соммером текста 4-й строки текста А и 3—5-й строк текста В вряд ли выдерживает критику с позиций семитической филологии. Именно, глагол $h^a\lambda a\dot{s}$, на котором прежде всего основывает Дюпон-Соммер свое истолкование надписей, хотя и может, при желании, быть переведен французским глаголом *tiger* «тянуть, тащить», однако вряд ли может быть применим в контексте, связанном с рыбной ловлей. Как известно, корень $HL\dot{S}$ в семитских языках имеет значения «обнажать, совлекать», отсюда — «очищать, стаскивать, тянуть» и даже «грабить» (Ps., VII, 5). В арамейском языке основное его значение — «стаскивать, совлекать, обнажать» и в прямом и в переносном смысле³. С этим корнем связывается арабский глагол *halaṣa* «быть белым, чистым, очищенным (первоначально — от коры, вообще от внешнего покрова)» и аккадское *halṣu* «очищенный». Усилительная порода дает значения «срывать, вырывать (камни из стены), грабить». Из всех этих значений вряд ли можно подобрать термин, подходящий для обозначения вытаскивания рыбы и рыболовных сетей. Для выражения этих понятий в северосемитских языках при описании рыбной ловли применяются термины «тянуть, вытаскивать, ловить, рыбачить, поднимать, вынимать, брать, собирать», выражаемые различными корнями⁴, среди которых, однако, насколько нам известно, глагол $h^a\lambda a\dot{s}$ в таком смысле не встречается.

Особенно сильные сомнения вызывает чтение Дюпон-Соммера в тексте В слова $b\dot{h}n^{\prime}t\dot{a}$ (в чрезвычайно странном написании $B\dot{Y}N\dot{Y}T\dot{Y}$ — по мнению автора, искажен-

сями считаются священными предметами; к таким камням привязывают или трут о них votивные предметы. Что касается карпов, то они в Севане не водятся.

¹ За эстампажи, изготовленные в Музее Армении, приносим горячую благодарность его директору К. Г. Кафадаряну и реставратору Г. И. Аревшатяну, а также А. Г. Периханян и Г. Х. Саркисяну за содействие в их изготовлении и доставке.

² Эти материалы, принадлежащие архитектору Л. Садоян, любезно доставила нам К. В. Тревер; сведениями об обстоятельствах находки стелы В мы обязаны также К. В. Тревер и А. Г. Периханян, почерпнувшим их из беседы с Л. Садоном. Всем упомянутым лицам мы приносим искреннюю благодарность.

³ Так, в вавилонском Талмуде (восточный диалект арамейского языка) встречается выражение: $\acute{a}m\dot{s}h\dot{a} d\dot{a}^{\prime}l\dot{a}\dot{s} l\dot{e}h m\dot{a}g\dot{e}h m\dot{i}p\dot{p}e\dot{h}$ (Иебамот, 102^b) «народ, который владыка его совлек с себя». В этом значении оно употребляется также в др.-евр., ср., например, «обнажают сосцы» ($h\dot{a}l\dot{e}\dot{s}\dot{u} \acute{s}ad$, Threni, IV, 3). Производное существительное этого корня — $h^{\prime}l \acute{s}\dot{a}$, «стаскивание, снятие, разувание».

⁴ Ср., например, арамейское и еврейско-ханаанейское $\acute{s}ud$, арабское $\acute{s}ada$ «ловить зверя или рыбу»; отсюда название древнего финикийского города $\acute{s} don$ «место рыбной ловли», ср. арам. $h\dot{a}h\dot{e}n d\dot{e}\acute{s}\dot{a}y\dot{e}d kawr\dot{a}$ «тот, кто ловит рыбу» (Шаббат, VII, 10-а). Ср. также др.-евр. глагол $d\dot{g}$ — общий корень со словом $d\dot{a}g$ «рыба» (например, Jer. XVI, 16). Далее, в арамейских переводах книг Аввакума и Иова (P. de Lagarde, Prophetiae Chaldaice, Lips., 1872, стр. 467; он же, Hagiographa Chaldaice, Lips., 1873, стр. 116) мы встречаем: $wa^{\prime}bad\dot{t}\dot{a} \acute{y}n\dot{s}\dot{a} k\dot{a}n\dot{u}n\dot{e} yam\dot{m}\dot{a}... kull\dot{e}h\dot{o}n d\dot{a}m\dot{i}n l\dot{e}\acute{s}ayy\dot{a}d\dot{a} d\dot{e}^{\prime}h\dot{i}d n\dot{u}n\dot{a} b\dot{e}h\dot{a}k\dot{k}\dot{e}t\dot{a}, k\dot{a}n\dot{i}\dot{s} b\dot{e}h\dot{a}r\dot{m}e\dot{h} wer\dot{a}m\dot{e} l\dot{e}h b\dot{i}m\dot{e}\acute{s}ad\dot{t}e\dot{h}$ «поступил с людьми, как с морскими рыбами... все они — словно у рыболова, который ловит рыбу крючком, собирает ее сетью своей и поднимает неводом своим». В книге Иова (Hi., XL, 24) пронычески ставится вопрос о возможности поймать удочкой мифологическое морское чудовище — Леввафана: $ting\dot{a}d Liwy\dot{a}t\dot{a}n b\dot{e}h\dot{a}k\dot{k}\dot{e}t\dot{a}$ «вытащишь ли Леввафана крючком?» (в др.-евр. оригинале: $t\dot{i}m\dot{s}ok Liwy\dot{a}t\dot{a}n b\dot{e}h\dot{a}k\dot{k}\dot{a}$).

ная форма вместо ожидаемого ВNYT')¹ и перевод его как «карпы»². Грубейшее нарушение правил арамейской грамматики в севанских текстах, — если считать, что тексты написаны по-арамейски, — может быть объяснено, как это и объясняет Дюпон-Соммер, очень слабым знанием арамейского языка писцом. Но писец, который знал столь редкое специальное арамейское название даже не породы, а одной из разновидностей породы рыб, не мог не знать простейших правил арамейской грамматики, как, например, употребления состояний имени, с которым приходится сталкиваться с самых первых дней знакомства с арамейским языком. Во всяком случае, если написание Y между В и N еще как-то можно было бы объяснить (например, ошибочным произношением долгого \bar{t} вместо краткого), то конечный Y в окончании женского рода $-t\bar{a}$ (или в окончании множественного числа $-at\bar{a}$) совершенно необъясним.

Однако в чтении, предложенном Дюпон-Соммером, нет никакой необходимости, если от фотографий мы обратимся к эстампажам: они предполагают текст, снимающий сомнения, вызванные недостатками фотографического воспроизведения.

Эстампажи сразу показали, что поправки Дюпон-Соммера³ — за исключением, возможно, одной — не имеют под собой почвы, как и следовало ожидать, имея в виду характер материала, которым пользовался автор. «Небольшое продолжение верхней левой черты» четвертой буквы стк. 4 текста А, о которой говорит Дюпон-Соммер, не существует: имеющиеся здесь углубления гораздо мельче, чем довольно глубоко врезаемые в камень черты знаков. Буква ясно читается как D или R, но никак не [ʔ]. Напротив, в противоположность мнению Дюпон-Соммера, в первой букве совершенно отчетливо видно правое ответвление головки R (D), хотя оно и попало на поврежденную и отчасти стертую часть поверхности камня. Замечание Дюпон-Соммера о «бивалентности» буквы T в данном виде арамейского письма по меньшей мере преждевременно, так как, несмотря на отмеченную А. Я. Борисовым близость письма севанских стел к арамейским надписям из Малой Азии, письмо тех и других по своему характеру не тождественно. По существу, севанские стелы представляют один из многочисленных пошибов, восходящих к арамейскому письму ахеменидских канцелярий, в целом отличный от малоазийской разновидности⁴; пока у нас нет достоверных случаев совпадения в данном пошибе T и S, нельзя утверждать наличие такого совпадения.

С другой стороны, можно дать другое исправление предложенного А. Я. Борисовым чтения последней буквы надписи А вместо данного Дюпон-Соммером. А. Я. Борисов предполагал, что до нас дошла только верхняя часть надписи, а нижняя ее часть, ушедшая в землю, и с ней последняя, пятая, строка стелы обломаны. Для чтения последнего знака как T такое предположение необходимо, так как T имеет в данном пошибе левую ножку значительно длиннее и ниже правой, между тем в рассматриваемом знаке обе ножки равной длины и упираются в облом нижнего края камня; А. Я. Борисов, очевидно, предполагал, что конец левой ножки отломан вместе с низом стелы.

Однако новый эстампаж показывает, что нижний край стелы обтесан довольно ровно; если к этому добавить, что стела А и стела Б имеют совершенно одинаковую высоту — 42 см и что стела В также почти равна им по высоте, то окажется маловероятным, что все стелы обломаны совершенно одинаково. Представляется очевидным,

¹ Формы BRU, BRTU в Армазской билингве и в авроманском пергаменте III, на которые в качестве аналогии ссылается Дюпон-Соммер, аналогией не являются: эти написания восходят к арамейской форме данных слов с притяжательным местоимением 1-го лица ед. ч. -ī («мой сын, моя дочь»); эти формы употребляются как идеограммы для слов «сын» «дочь», в которых местоименное окончание потеряло значение.

² Собственно какой-то род карпа. Скорее можно было бы видеть в этом месте арамейское слово *banaytā* «плетение» (в смысле «сеть»), хотя и в этом случае ожидалось бы написание ВNYT'.

³ Расхождение между чтением Дюпон-Соммера и чтением А. Я. Борисова — см. D и p o n t-S o m m e r, ук. соч., стр. 59—60.

⁴ Впрочем, и в арамейских надписях из Египта и Малой Азии, на которые ссылается Дюпон-Соммер, T и S вовсе не совпадают.

что стела А дошла до нас целой и что она стояла свободно на подставке или прямо на земле. Поэтому, если раньше можно было предполагать, что нижняя часть левой ножки Т в последней строке отломана, то теперь это предположение отпадает: последняя буква стк. 4 надписи А никогда не имела другой формы, именно — с обеими ножками равной длины¹. Кроме того, можно обратить внимание на то обстоятельство, что со-

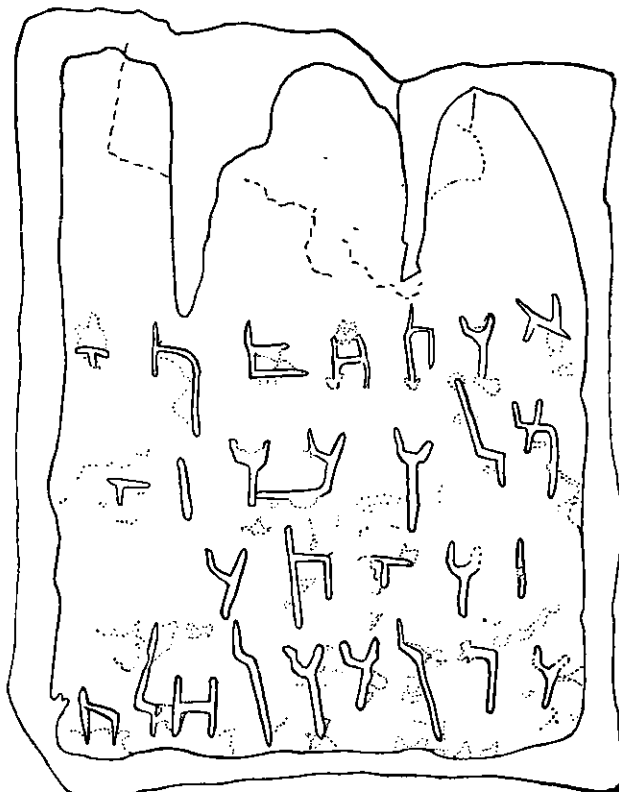

Рис. 3. Севанская надпись А. Прорисовка

единительная черта между ножками этой буквы не горизонтальная, как в букве Т стк. 1 и 3 стелы А и стк. 3 стелы Б, а наклонная. Следовательно, эта буква не может быть Т. Это скорее всего Q (*коф*), имеющий аналогичную форму в парфянских надписях арамейским письмом того же времени (II в. до н. э.) из Нисы², в раннесасанидских надписях на парфянском языке (см. таблицу) и весьма сходную (лишь с отрывом левой ножки от верхней черты) — в одном из вариантов канцелярского пошиба ахеменидского времени³. Разница заключается лишь в том, что левый верхний вертикальный отросток поперечной черты на нашей стеле имеет вид как бы продолжения ножки, в то время как в ахеменидское время он является лишь загибом этой черты, а в надписях из Нисы продолжает ее наклонно или почти горизонтально влево.

Обоснованным оказывается лишь указание Дюпон-Соммера на наличие буквы N в начале сохранившегося текста стк. 4 надписи Б. Точнее, налицо наклонная черта,

¹ На это указывает и форма нижней части самих этих ножек.

² И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов и В. А. Лившиц, Документы из древней Нисы, МИОТАКЭ, вып. 2, стр. 29—30 (далее цитируется как ДДН).

³ CIS, II, 139, 141. Сходная форма Q наблюдается и в надписи из Теймы (CIS, II, 113). Ср. также пальмирские формы Q в HNSE, табл. XLV.

примыкающая к облому камня, которая может быть головкой N (головкой R или D она в данном случае не может быть, так как вследствие сохранности поверхности камня в этом месте было бы видно и второе ее ответвление); при этом откол камня, идущий здесь почти вертикально, мог, как это часто бывает, пойти по линии вреза

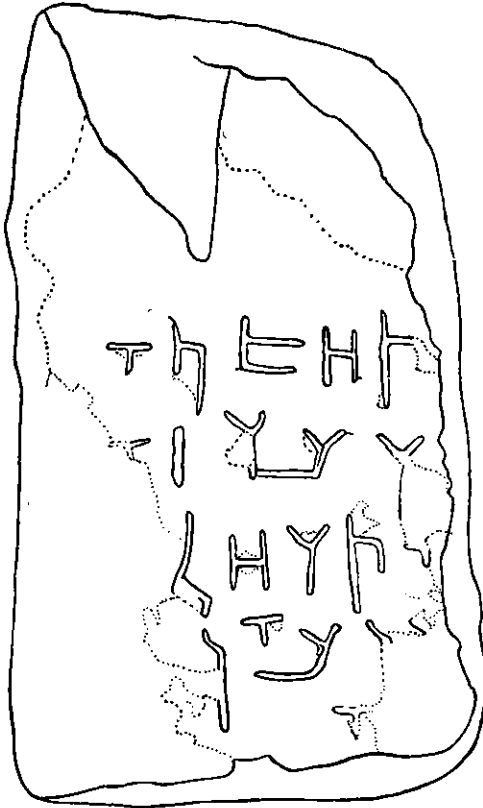

Рис. 4. Севанская надпись Б.
Прорисовка

самой буквы N, ожидаемое направление которой совпадает с линией откола¹.

С указанными поправками чтение А. Я. Борисова следует признать совершенно точным². Тем самым отпадает перевод Дюпон-Соммера и производимые из него выводы.

Попытаемся теперь дать свое толкование севанских надписей А и Б.

Опорным пунктом этого толкования служит принятое нами чтение последней буквы стк. 4 текста А как Q. Все слово мы читаем *hələq* (менее вероятно *h^alāq*) — хорошо известные термины, отвечающие понятиям «доля, часть, участок, поле»³. т. е. земельный участок, принадлежащий определенному владельцу или конкретизированный иначе.

Эти значения весьма распространены как в арамейском, так и в древнееврейском языках. Слово *ḤLQ* (во множественном числе — *ḤLQY*?) является, повидимому, также арамейской идеограммой в пехлеви для слова «арык» (*убу*). Это указывает на специфическое значение «межа» для слова *ḤLQ*, так как эти арыки обычно ограничивали полевые участки⁴.

При таком чтении грамматическое своеобразие текста заключалось бы в том, что вместо эмфатического состояния

¹ Перед этим видны следы еще одной буквы — возможно, R, D или K.

² Чтение Дюпон-Соммером последних двух строк надписи Б как [K]N BYN{YT}Y также неприемлемо, так как N четвертой и Y пятой строки стоят под четвертыми, а не под вторыми буквами остальных строк: правильно читать ₄. [x x x] Y [N(?) BYN{x} ₅. [x x x] Y [. . .].

³ *Ḥələq*, *ḥālqā* (также *ḥulqā*) означает по-армейски «доля, часть», отсюда земельный «надел, участок, поле» именно в сельскохозяйственной терминологии. В этих значениях слово часто употребляется в арамейских диалектах Мишны, Талмуда и мидрашей, а также в древнееврейском языке (см. Gen. XXXIII, 19; Jos. XXIV, 32; II Reg. IX, 25; Ruth II, 3; IV, 3 и др.; II Reg. IX, 21: *ḥālqat Nābōt* «поле Навуфея»). *Ḥ^alāq*, *ḥ^alāqā* имеет значение «доля, часть, жребий, участь», чаще с переносным значением — например: *wə'im ḥewtā ḥ^alāqeh ba^{cā}šab ²ar^{cā}* «и со зверями доля его в земных злаках» (Dan. IV, 12); *wə'im ḥewat-bārā ḥ^alāqeh* «с полевыми зверями его доля», т. е. он разделяет участь полевых зверей (Dan. IV, 20).

⁴ См. Н. Junger, *Farhang-i Pahlav'k*, 1912, стр. 96 Ср. также употребление того же корня для глагола *baxtan* «дарить, давать, наделывать» (идеограмма *ḤLQWNtn*, *Destur Hoshangji Jamaspji A sa and Martin Haug, An Old Pahlavi-Pazand Glossary, Bombay—London, 1870, стр. 70*).

Рис. 2. Севанская надпись «Б». Зеркальный снимок с эстампажа

Рис. 1. Севанская надпись «А». Зеркальный снимок с эстампажа

Рис. 6. Севанская стела «В». Лицевая сторона

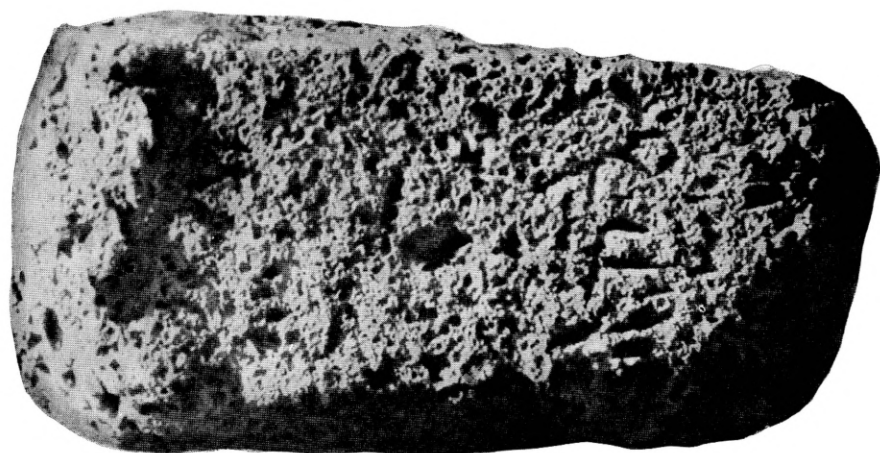

Рис. 7. Севанская стела «Е». Правая боковая сторона

имени (ḥālqā, ḥ^alāqā) мы имеем здесь абсолютное (или сопряженное?). Но эта особенность отмечена и для самих севанских текстов (MLK BR ZY... вместо MLK² BR...), для малоазийских текстов и для текстов Армази, а также для парфянских

	НАХИД - РУСТЕМ [Эвфратина] Vв. до н.э.	Степа из Карпан [Гигелет] IIIв. до н.э.	АРАБИССОН [КАПАДОКИЯ] III в. до н.э.	СЕВАНСКИЕ СТЕЛЫ "А" и "Б" IIв. до н.э.	НИСА [ПАРФЯЯ] Iв. до н.э.	АВРОМАН [ПАРФЯЯ] Iв. до н.э.	САСАНИДСКО- ПАРФЯНСКОЕ III в н.э.	АРМАЗИ [ИБЕРИЯ] II в н.э.
·	ⲁ	ⲛⲛ	ⲛ	ⲛ	ⲛ	ⲛ	ⲛ	ⲛ
B	ⲃ	Ⲅ	ⲅ	Ⲇⲇ	Ⲉⲉ	Ⲋ	ⲋ	Ⲍ
C	ⲍ		Ⲏ		ⲏ	Ⲑ	ⲑ	Ⲓ
D	ⲓ	Ⲕ	ⲕ	ⲌⲍⲎ	ⲏ	Ⲑ	ⲑ	Ⲓ
H	ⲗ	Ⲙⲙ	ⲛ		Ⲝ	ⲝⲞ	ⲟ	Ⲡ
W	ⲡ	Ⲣ	ⲣ	Ⲥ	Ⲗ	ⲗⲘ	ⲙ	Ⲏ
Z	ⲟ	Ⲡ	ⲡ	Ⲣ	ⲣ	ⲕ	Ⲍ	ⲍ
H	ⲗ	Ⲙ	ⲛ	Ⲝ	ⲝ	Ⲟ	ⲟ	Ⲡ
T	Ⲃ		ⲃ					Ⲃ
J	Ⲅ	ⲅⲆ	ⲇ	Ⲉⲉ	Ⲋ	ⲋⲌ	ⲍ	Ⲏ
K	ⲏ	Ⲑ	ⲑ	Ⲓ	ⲓ	Ⲕⲕ	Ⲍ	ⲍ
L	ⲗ	Ⲙⲙ	ⲛ	Ⲝⲝ	Ⲟⲟ	ⲑⲒ	ⲓ	Ⲕ
M	ⲕ	Ⲍⲍ	Ⲏⲏ	Ⲑ	ⲑ	Ⲓⲓ	Ⲕ	ⲕ
N	ⲏ	Ⲑ	ⲑ	Ⲓⲓ	Ⲕ	ⲕ	Ⲍ	ⲍ
S	ⲗ	Ⲙⲙ	ⲛ	Ⲝ	ⲝ	Ⲟ	ⲟ	Ⲡ
·	Ⲃ	ⲃⲄ	ⲅⲆ		ⲇ			Ⲉ
P	ⲉ	Ⲋ	ⲋ		Ⲍ	ⲍ	Ⲏ	ⲏ
S	ⲗ	Ⲙ						ⲏ
Q	ⲟ	Ⲡⲡ	Ⲣⲣⲕ	Ⲇ	ⲇ	Ⲉ		ⲉ
R	ⲏ	Ⲑ	ⲑ	ⲒⲓⲔ	ⲕ	Ⲍ	ⲍ	Ⲏ
Š	ⲗ	Ⲙ	ⲙ	Ⲏⲏ	Ⲑ	ⲑ	Ⲓ	ⲓ
T	Ⲃ	ⲃ	Ⲅⲅ	Ⲇⲇ	Ⲉⲉ	Ⲋⲋ	Ⲍ	ⲍ

Рис. 5. Сравнительная таблица знаков арамейского письма

текстов из Нисы и, повидимому, может считаться обычным явлением для памятников данного типа письменности¹.

Возможно также понимать HLQ как 3-е лицо ед. ч. мужского рода совершенного вида глагола ḥ^alāq, со значением «разделил, распределил, размежевал».

¹ См. об этом ДДН, стр. 55 и ср. стр. 51.

Не исключена возможность предшествующие две буквы, К и N, считать, в согласии с толкованием Дюпон-Соммера, арамейским наречием KN «здесь», но более вероятно, что вся группа знаков RWNDKN составляет одно слово. Можно предположить, что это неизвестное слово является названием участка¹. Близкие по времени к севанским стелам парфянские тексты дают много примеров именно такого образования названий земельных участков — например, DTBKN (Авроман)², NYNDWKN, *RTHSTRKN, *RTBNWKN (Ниса)³. Отметим также, что на территории Армении -kap является обычным суффиксом географических названий областей (Васпуракан, Авахтакан и др.). Труднее предполагать в RWNDKN имя владельца.

В конце стк. 3 текста Б, как и в стк. 4 текста А, читается, очевидно H̄LQ. Согласные BYN сохранившейся части стк. 4 стелы Б мы склонны считать распространенным в семитских языках, в том числе и в арамейском, предлогом-наречием bēn «между»⁴ и полагаем, что в неповрежденном виде это место заключало уточнение расположения земельного участка. Предшествующие две буквы .K(?) N(?) могли бы быть (особенно, если понимать H̄LQ как глагол) наречием kap «здесь», как полагает Дюпон-Соммер, или, скорее, как и в тексте А, окончанием названия участка.

Мы предлагаем два варианта перевода двух первых севанских надписей, в зависимости от того, означают ли согласные H̄LQ решающего места надписи А глагол, или имя существительное:

1. *RTHŠSY 2. MLK BR ZY 3. ZRYTR 4. RWNDKN H̄LQ

а) 1. Артаксий 2. царь, сын 3. Зариатра 4. (участок) RWNDKN разделил (=размежевал).

б) 1. Артаксий 2. царь, сын 3. Зариатра. 4. Участок RWNDKN (или: RWND-ский).

Б

1. [*R]THŠSY 2. [ML]K BR ZY 3. [ZR]YTR H̄L[Q] 4. [K?]N BYN[...]
5. [...Y][...]

а) 1. [Ар]таксий 2. [ца]рь, сын 3. [Зар]иатра разде[лил]⁵ 4. [...]
... между [...]

б) 1. [Ар]таксий 2. [ца]рь, сын 3. [Зар]иатра. Учас[ток] 4. [...]
... между [...]

Следует остановиться особо на синтаксической конструкции надписей. Напомним о неправильном для арамейского языка употреблении абсолютного состояния слова mēlek «царь» там, где следовало ожидать эмфатического состояния malkā, а также о плеонастическом выражении родительного надежа в конструкции bar z: ZRYTR. Вместо последнего должна была бы стоять единственно употребительная конструкция с сопряженным состоянием имени: bar ZRYTR или хотя бы конструкция bēgā zī ZRYTR — не употребительная, но грамматически правильная. Эти факты достаточно освещены в статье А. Я. Борисова.

¹ Хотелось бы видеть в слове RWNDKN прилагательное, образованное от собственного имени *Ṛbōvṭṭṣ, арм. Egvand (позже Yegvand), распространенного, повидимому, в армянском царском доме, предшествовавшем династии Артаксия (ср. ВДИ, 1946, № 2, стр. 103). Судя по сообщению Моисея Хоренского, межевые камни Артаксия (к числу которых, как будет видно ниже, мы относим исследуемые стелы) назывались «арташисакан»; на них могло бы иметься указание на какое-либо предыдущее межевание, произведенное при царе Ерванде. Однако, к сожалению, для этого иранского имени в это время ожидалась бы форма Arvant(a), st, a не с d, и в написании *RWNT.

² H. Nyberg, The Pahlavi Documents from Avroman, «Le Monde Oriental», XVII, 2—3, стр. 192.

³ ДДН, стр. 30 и 35; ВДИ, 1953, № 4, стр. 125.

⁴ Такой же перевод был предложен А. Я. Борисовым.

⁵ Или: «размежевал» (может быть и «наделил»?).

Более подробно следует остановиться на тексте стк. 4 надписи А и стк. 3 и 4 надписи Б.

Сочетание букв RWNDKN мы понимаем как одно слово — наименование участка. Только определение грамматической категории слова RWNDKN могло бы установить правильность арамейской синтаксической конструкции стк. 4 надписи А: от него в значительной мере зависит и понимание грамматической категории, к которой относится слово ҲLQ. Арамейский же или неарамейский характер синтаксиса надписей определяет и вывод о языке, на котором эти надписи сделаны.

Если RWNDKN — самостоятельное существительное (имя собственное), то конструкция правильна для обоих предложенных нами вариантов перевода: а) если ҲLQ — глагол-сказуемое, то оно по-арамейски свободно может стоять в конце предложения, имея перед собой непосредственно дополнение, не выделенное специальной частицей¹; б) если ҲLQ — существительное, то конструкция также правильна по-арамейски («RWNDKN-поле»).

Если же (что наиболее вероятно) RWNDKN — производное (отыменное) прилагательное, то по-арамейски порядок слов должен быть обратным: «участок RWNDKN-ский». И в том и в другом случае, однако, мы ожидали бы эмфатического состояния для слова ҲLQ (ҲLQ² с чтением ḥālāq̄ или ḥālāq̄a вместо ḥələq̄ или ḥālāq̄). На типичность для текстов этого круга неарамейского употребления абсолютного (или сопряженного) состояния имени вместо эмфатического уже указывалось. Такое употребление состояний имени в арамейской речи немыслимо.

Если считать явно неарамейское (и вообще несемитское) слово RWNDKN прилагательным-определением, а ҲLQ определяемым, то необходимо согласиться с мнением А. Я. Борисова: «Не-арамейский состав четвертой строки большей стелы едва ли может вызвать какие-либо сомнения»². Но даже если счесть RWNDKN за самостоятельное существительное или ҲLQ — за глагол (что позволяет рассматривать конструкцию этой строки как арамейскую), все же уже одной конструкции стк. 3 достаточно, чтобы подвергнуть серьезному сомнению арамейский характер языка стелы³. Если это арамейский язык, то во всяком случае надпись составлена писцом, для которого он не был родным и который не умел или не хотел выдерживать самые элементарные правила арамейской грамматики.

Но допустимо предположение, что разбираемые тексты выполнены не на арамейском, а на таком языке, для которого арамейские слова являются лишь идеограммами (или гетерограммами), — графическим выражением слов неарамейских, как это было принято в древнеиранской и среднеазиатских видах письменности. В этом случае соблюдение правил арамейской грамматики не обязательно. Речь могла бы здесь идти либо о древнеармянском языке, т. е. языке местного населения, либо о персидском языке — распространенном в качестве культурного наследия ахеменидской державы⁴. На связи с ахеменидской традицией в Армении этого времени указывает уже само имя царя Артаксия. Хотя это имя иранского происхождения (соответствует имени «Артаксеркс»), однако оно не является, подобно многим позднейшим именам, бытовавшим среди армянской нахарарской аристократии, парфянским. Дело в том, что

¹ Ср. Dan. II, 30, 36, 48; IV, 2 (ḥelām ḥ^azet «сон я видел»); IV, 5—6: wəḥālmā q^odāmōh^t ʾamret... ʾūpīšreb ʾemtar «и сон пред ним я рассказал... и истолкование его скажи». Ср. также Dan. IV, 33; Egt. IV, 21; V, 7; VII, 25 и др.

² ВДИ, 1946, № 2, стр. 103.

³ Труднее проанализировать синтаксис надписи Б ввиду ее фрагментированности. Вариант перевода, обозначенный литерой «а», может быть лучше объяснен на почве арамейской грамматики.

⁴ Несмотря на близость севанских надписей к парфянским текстам из Нисы и Авромана как по характеру использования арамейских слов, так и по характеру самого письма, еще близкого к письму ахеменидских канцелярий, о парфянском языке здесь думать не приходится — по хронологическим соображениям.

древнеиранское *Ḫtaḫšaθ¹ на почве северозападно-иранских языков (мидийского и парфянского) должно в среднеиранский период дать форму *Artax²:ahr (которую мы и встречаем на парфянских остраконах из Нисы в виде исторического написания ʾRḤṢTR) и лишь на почве древнеперсидского языка дает форму Artaxšaça. Эту форму арамейские источники ахеменидского времени передают в написании ʾRḤṢṢ³, ʾRḤṢṢT², ʾRḤṢṢT³, а накши-рустемская надпись на древнеперсидском языке арамейским алфавитом — в написании [ʾ]RḤṢṢ⁴. К этой же форме закономерно и восходит засвидетельствованная нашими надписями форма имени ʾRḤṢṢY (читай Artaxšaṣṣ⁵) и традиционная древнеармянская форма «Арташес».

Можно предполагать, что род Артаксия, подобно большинству не греко-македонских родов царей и династов Передней Азии эллинистического времени, возводил свою генеалогию к Ахеменидам. Соответственно этому можно думать, что в армянской державе Артаксия могли продолжаться традиции ахеменидских канцелярий.

Как известно, в государстве Ахеменидов — по крайней мере начиная с Дария I — официальным канцелярским языком был арамейский в его древней форме (так называемый западноарамейский, или арамейское «койнэ», Reichsaramäisch). Этот канцелярский язык был распространен по всей державе⁶, вплоть до ее наиболее восточных окраин. Об этом свидетельствуют надписи индийского царя Ашоки из Пульи Дарунта в Бактрии⁷ и из Таксилы (Индия), составленные уже в III в. до н. э. на арамейском языке⁸ — факт необъяснимый, если не считать, что в этих областях еще при Ахеменидах в качестве официального привился арамейский язык. Равным образом арамейский язык, как язык канцелярии и официальных надписей, был распространен и в западных областях державы⁹.

Что касается собственно иранской письменности на арамейской основе, то в качестве официальной письменности канцелярий она, повидимому, при Ахеменидах еще не применялась. Возникла она при Дарии I¹⁰, повидимому, как письменность без идеограмм; по крайней мере накши-рустемская надпись V в. до н. э. (Артаксеркса I?

¹ Так в элефантинских папирусах — E. Sachau, *Aramäische Papyrus und Ostraka aus einer jüdischen Militärkolonie zu Elephantine*, Lpz, 1911, табл. 5.

² Ezr. VII, 7,8 сл.; VI, 14.

³ Ezr. VII, 1,7, 12,21; VIII, 1; Nehem. II, 1; V, 14; XIII, 6.

⁴ E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, В., 1938, стр. 12; ДДН, стр. 53. прим. 6.

⁵ Это чтение, основанное на паличии Y в конце имени, подтверждается и греческой передачей этого имени как Ἀρταξίης. Окончание -т представляет этимологически некоторую трудность. Возможно, что имя Артаксия восходит к др.-перс. *Artaxšaṣiya со значением «Артаксерксовский»; в таком случае это имя следует толковать как «принадлежащий к роду или потомкам Артаксеркса». Ср. имя Artaxēs: — F. Justi, *Iranisches Namenbuch*, Marburg, 1895, стр. 36—47.

⁶ Вытеснив на юге Ирана эламский, применявшийся в канцеляриях Персеполя еще в V в. до н. э. (см. G. G. Cameron, *The Persepolis Treasury Tablets*, Chicago, 1948).

⁷ W. B. Henning, *The Aramaic Inscription of Asoka found in Lampāka*, BSOAS, XII (1949), 1, стр. 80—88.

⁸ Надпись из Таксилы, однако, по всей видимости, гетерографическая.

⁹ Новейшую сводку материала см. у Fr. Rosenthal, *Die aramäische Forschungen seit Th. Nöldeke's Veröffentlichungen*, Leiden, 1949, стр. 24—82. Арамейский характер языка по крайней мере некоторых малоазийских надписей подлежит сомнению — быть может, и здесь мы имеем дело с идеограммами.

¹⁰ Акад. В. В. Струве, *Реформа письменности при Дарии I*, ВДИ, 1951, № 3, стр. 186 сл.; ДДН, стр. 54.

их, как кажется, не содержит (ДДН, стр. 53 сл.). Первые идеограммы мы встречаем повидимому, на монетах III века до н. э.¹

Проблема происхождения идеограмм в иранской письменности представляет сложнейший исторический вопрос², который требует учета исторической обстановки этого времени. Уже ахеменидские канцелярии вряд ли могли повсеместно располагать писцами, хорошо грамотными по-арамейски. Завоевание же Александра Македонского, борьба диадохов и установление селевкидского владычества должны были привести к изменению состава канцелярий. В них вливались новые люди, которые не всегда и не всюду могли хорошо знать арамейский язык. Замена арамейской канцелярии греческой не могла произойти сразу и везде, да и вряд ли греческая канцелярия могла получить действительно всеобщее распространение. Местные писцы вынуждены были переходить на местные языки, фонетически, — а следовательно, и грамматически, — не воспроизводимые с точностью средствами письменности на арамейской основе, неприменяющей идеограмм. Применение арамейских идеограмм, — помимо их удобства для определения грамматической конструкции слов, при отсутствии точной огласовки нужной для передачи, например, иранской флексии, — имело еще то преимущество, что позволяло и в неарамейском тексте употреблять общеизвестные готовые арамейские канцелярские формулы; текст, насыщенный арамейскими идеограммами, мог, хотя бы в самых общих чертах, быть понятен³ разноязычным писцам неустойчивых и охватывавших то одни, то другие этнические территории эллинистических государств⁴. Такая система письма помогала использовать в государственных канцеляриях писцов с различными родными языками. Дело здесь не в том, что арамейский письменный язык, перенасытившись иранизмами, превратился в иранский язык; но для небольших документов, в результате смещения арамейского текста с текстом на местном языке и насыщения текста на местном языке арамейскими идеограммами, письменный канцелярский язык (какие бы чтения — иранские или иные — ни подставлялись под

¹ См. G. F. Hill, *Catalogue of Greek Coins in the British Museum — Arabia, Mesopotamia and Persia*, табл. 28; E. Herzfeld, *Archäologische Mitteilungen aus Iran*, VII, 1935, рис. 45.

² Ср. E. Herzfeld, Paikuli, В., 1924, стр. 73 и особенно Н. Н. Schaeder, *Iranische Beiträge*, I, «Schriften der Königsberger gelehrten Gesellschaft», Geisteswiss. Kl., 1930, вып. 5, стр. 94, а также ДДН, стр. 51 сл.

³ Конечно, речь может идти только о понимании коротких надписей и канцелярских формул; в длинном связанном тексте чуждый синтаксис и незашифрованная чужая лексика должны были явиться препятствием для понимания текста.

⁴ Этот вид письменности, естественно, должен был применяться в тех из образовавшихся в этот период государств, которые претендовали на продолжение традиций Ахеменидов или вообще находились в оппозиции к селевкидскому государству с его греческой официальной культурой. Так, в Парфии применялись в канцеляриях иранский язык и письменность на арамейской основе с применением арамейских идеограмм (здесь применялся также греческий язык — например, для монет, имевших хождение преимущественно, конечно, в городах, — но также и в низовых канцеляриях, как видно из авроманских документов); то же имело место и в Парсе, вероятно в Кашпадокии, а позже, возможно, и в Иберии (там, быть может, уже под влиянием парфянской традиции): по крайней мере есть предположение, что тексты из Армази требуют чтения по-ирански (см. F. Altheim, H. Junker, R. Stiel, *Inschriften aus Gruzinien*, I, *Bilinguis von Mzcheta*, «Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves», IX, P., 1949, стр. 8), что допускает и издатель Армазской билингвы Г. В. Церетели (*Армазская билингва*, Тбилиси, 1948, стр. 41). См. также R. N. Frye, *Pablevy Heterography in Ancient Georgia?* «*Archaeologica orientalia in memoriam Ernst Herzfeld*», N. Y., 1952, стр. 89—101. Как предполагает M. Lidzbarski, *Ephemeris für semitische Epigraphik*, I, Giessen, 1902, стр. 73—74, и надписи II века до н. э. из Арабиссона в Кашпадокии, найденные Я. И. Смирновым, представляют сплошь зашифрованные арамейскими идеограммами иранские тексты.

арамейские написаний) мог играть роль некоего подобия условного языка—письменной *lingua franca*¹.

Поэтому трудность, с которой устанавливается языковая принадлежность надписей, подобных севанским, не является результатом лишь недостатка наших знаний в этой области, но отражает объективное положение вещей. В надписях подобного рода, сплошь зашифрованных арамейскими словами, мы можем, самое большее, путем анализа синтаксиса определить — предполагал ли данный текст устную передачу на арамейском, персидском или каком-либо ином языке.

В нашем случае речь могла бы идти, как уже упоминалось, — помимо арамейского, — либо о древнеармянском, либо о персидском. Как сообщил нам акад. И. А. Орбсли, древнеармянский синтаксис мог бы удовлетворительно объяснить конструкцию стк. 4 надписи А; но отклонению от норм арамейской грамматики в конструкции BR ZY ZRYTR древнеармянский язык, по видимому, не дает достаточного объяснения.

Что касается иранских языков, то, как нам указал В. А. Лившиц, синтаксис севанской надписи А находит на их почве удовлетворительное объяснение; конструкция BR ZY ZRYTR могла бы передавать иранскую изафетную конструкцию². Это делает весьма вероятным, — хотя и не доказывает окончательно, — что тексты были рассчитаны на устную передачу по-персидски.

Отсюда, однако, нельзя еще заключить, что писцы Артаксия непременно были персами, хотя вполне вероятно, что в канцеляриях новообразованного армянского государства использовались разноязычные, в том числе, возможно, и персидские, писцы, так как кадры грамотных людей должны были быть еще весьма скудными. Скорее иранский характер синтаксиса надписей следует толковать как свидетельство сохранения в государстве Артаксия традиций ахеменидского чиновничества вообще. Акад. В. В. Струве указал нам на широкое распространение знания древнеперсидского языка в ахеменидской Армении, что позволило грекам Ксенофонта (через переводчика, знавшего, конечно, древнеперсидский язык, а не древнеармянский) разговаривать даже с женщинами в армянских селениях.

Учитывая все эти соображения, трудно окончательно определить характер языка, на котором составлены севанские надписи. Нельзя отрицать возможности того, что они были составлены на сильно искаженном арамейском языке, применяемом не идеографически, но вероятно и то, что текст предназначался для устной передачи по-персидски³. Быть может, дальнейшие находки и исследования предложат дополнительный материал для решающих выводов.

Во всяком случае, в настоящее время, какой бы из вариантов нашего перевода ни казался предпочтительнее, мы видим в севанских стелах межевые столбы с надписями, обозначающими границы определенных участков. Одновременно эти стелы имели своим назначением увековечить имя того, при ком это межевание было произведено впервые или возобновлено⁴.

¹ Уже даже чисто арамейские тексты времени Ахеменидов предполагали устное «истолкование» (*pāra*²) их на персидском языке для руководящих персидских чиновников — см. Н. Н. Schaefer, ук. соч., стр. 6; ДДН, стр. 54, прим. 1.

² Ср. для употребления изафета и вообще с точки зрения синтаксической конструкции севанских надписей, например, Beh. III, 45: *kāra huā manā avam kāram tyam Vabyazdātahya aja*ⁿ «войско (Nom.) мое это войско (Acc.) Вахъяздаты разбило». Следует отметить, что в персидском языке ахеменидских надписей изафетная конструкция еще не употребляется для передачи имени и отчества; в подобном контексте эта конструкция выступает лишь в среднеперсидском языке, где графически вполне обычна передача изафета через арамейское ZY.

³ К такому же выводу приходит М. Lidzbarski, ук. соч., I, стр. 324, в отношении текстов из Каппадокии: «Тексты не свободны от погрешностей против арамейского словоупотребления, но необходимости читать их иначе, чем по-арамейски, нет».

⁴ Ср. К. В. Тревер, ук. соч., стр. 172—173.

Мнение о том, что севанские стелы Артаксия представляют собой межевые камни, было высказано впервые акад. И. А. Орбели на основании данных, приводимых в «Истории Армении» Моисея Хоренского. Возражения А. Дюпон-Соммера (ук. соч., стр. 65), приводимые им против исторической ценности этого сочинения, недостаточно убедительны. Бесспорно, Моисей Хоренский, пользуясь для раннего периода истории Армении весьма разнородными источниками — эпосом, сказаниями, старинными песнями, сирийскими хрониками, греческими «языческими» и церковными писателями, — не во всех случаях сумел правильно связать имевшийся у него материал воедино, определить хронологическую последовательность царствования различных лиц и привести в систему синхронизмы.

Так, Артаксий у него раздвоился, причем на первого «Арташеса, царя Армении», основателя династии, перенесены черты Артаксерксов и других ахеменидских царей (что доказывает лишний раз ахеменидские традиции династии Арташесидов), а все исторические черты Артаксия I, почерпнутые преимущественно из эпоса и народной традиции, перенесены на Арташеса II (33—20 гг. до н. э.)¹. На царствование этого Арташеса, в понимании автора — наиболее выдающейся фигуры раннего периода истории Армении, Моисей Хоренский переносит все важнейшие события внешней истории Армении, вплоть до времени правления Траяна и Адриана в Риме. Тем не менее в описании внутренних событий царствования «Арташеса» Моисей Хоренский опирается на хорошую народную традицию и отчасти на эпос, создание которого должно относиться ко времени, достаточно близкому правлению исторического Арташеса (Артаксия); последний отнюдь не изображается Моисеем Хоренским в виде какого-то мифического создателя человеческой цивилизации вроде Прометея, Девкалиона или Гайомарта, как это можно заключить из замечаний Дюпон-Соммера.

Моисей Хоренский, подводя итоги деятельности Арташеса, говорит лишь о д а л ь н е й ш е м развитии земледелия при нем, об использовании вод для судоходства и организованной рыбной ловли и т. п.²

Что касается межевых знаков Артаксия, то о них у Моисея Хоренского говорится в другой связи³, причем так, что рассказ представляется исходящим от человека, видевшего эти межевые знаки или писавшего со слов очевидца. Очевидно, во времена Моисея Хоренского или его источника межевые камни Артаксия можно было видеть еще довольно часто. Описание их в точности соответствует севанским стелам: они, вероятно, стояли на подставках, «слегка возвышаясь над землей» (на 42 см; ко временам Моисея Хоренского они, возможно, во многих случаях частично ушли под землю). Выступы наверху стел, — или, по Моисею, «башенок», — по всей вероятности, действительно имитируют зубцы башен. Из описания Моисея Хоренского видно также, что на этих межевых знаках упоминалось имя Артаксия⁴.

Несомненно, размежевание земли по всей территории государства, произведенное при Артаксии, — память о чем сохранилась даже через полтысячелетия, — в условиях II века до н. э. было весьма серьезным и сложным предприятием, затрагивавшим многообразные интересы и требовавшим больших затрат и привлечения большого числа грамотных писцов. Такая мера должна была быть связана с какой-то весьма существенной земельной реформой, касавшейся самой сути аграрных отношений

¹ Исключение составляет восстание Артаксия I против Антиоха III, которое Моисей Хоренский смешивает с отпадением Аршака Парфянского от селевкидской державы и связывает (следуя сирийскому автору Мар Абас Катине?) с именем Валаршака, легендарного брата этого Арташеса.

² «История Армении Моисея Хоренского», новый перевод Н. О. Э м и н а, М., 1893, ч. 2, гл. 59.

³ Там же, гл. 56. О межевых знаках Артаксия см. К. В. Т р е в е р, ук. соч., стр. 172—173.

⁴ Письмена стел Артаксия не настолько отличаются от парфянского эпиграфического попиба, дожившего до III в. н. э., чтобы отдельные грамотеи не могли еще в то время разобрать на них имя Артаксия.

того времени, потому что одно желание увековечить сущестующие аграрные порядки, уже охраняемые обычным правом общин, вряд ли могло подвинуть царя на столь сложное мероприятие. Определить вероятный характер земельной реформы Артаксия было бы чрезвычайно важно¹.

Для понимания характера текстов севанских стел имеет значение упомянутая находка третьей аналогичной стелы.

Стела найдена в другом месте севанского побережья — в 8 км от Мартуни и в 4 км от селения Дзорагюх, недалеко от старого берега Севана (к какому времени относится эта береговая линия — нам неизвестно); поблизости находится церковь, воздвигнутая, по некоторым данным, на месте старинного святилища. Стела сделана из базальта; кругом разбросано много камней из того же материала; поверхность стелы — губчатая от множества впадин, местами сильно повреждена, левый край отломан. По верху ее с трех сторон идет как бы венчик, разделяемый на два выступа желобом, просверленным в центре лицевой стороны венчика. Боковые стороны несколько выступали крыльями за заднюю поверхность камня. Для надписи были использованы, кроме лицевой, также и боковые стороны (по крайней мере правая, сохранившаяся), причем первые три (?) строки написаны, повидимому, только на боковой стороне. Общая высота камня 48 см, ширина 34 см (по венчику 38 см), толщина в средней части ок. 10—16 см, длина бокового крыла 20—21 см, ширина ок. 10 см. Нижняя, возможно впускавшаяся в землю, часть имеет посредине толщину 6 см.

Сильно угловатые знаки очень потерты; ни один знак, как кажется, не сохранился полностью. Общий дуктус указывает, как кажется, на написание справа налево, поэтому возможно предполагать в тексте письменность на арамейской основе, однако в этом нет уверенности. Предположительно можно различить букву L в начале стк. 4 (на боковой стороне) и в стк. 1. Если отождествление правильно, то форма этого L отлична от L на стелах А и Б и близка позднепарфянским надписям, что указывает на сравнительно позднюю дату стелы. На то же указывает и буква типа «квадратного» В, различимая, повидимому, в стк. 1 и 2².

Ни одной из форм букв, известных нам по севанским стелам А и Б, на стеле В установить не удастся. В целом стела В производит впечатление значительно более поздней. Новая находка в том же районе памятника такого же типа, что и стелы А и Б, но, повидимому, относящегося к другому времени, делает еще менее вероятным толкование Дюпон-Соммером стел А и Б как памятников случайных увеселительных экскурсий царя Артаксия. Однако пока трудно сказать что-либо определенное об этой третьей стеле, текст которой в настоящее время не может быть прочтен³. Новая находка заслуживает дальнейшего изучения.

*И. М. Дьяконов
К. В. Старкова*

¹ Яркую аналогию изложенному, с точки зрения реабилитации закавказских исторических источников, мы видим в истолковании Армазской билингвы в работе Г. В. Церетели, Армазская билингва, Тбилиси, 1941, стр. 68—70.

² Повидимому, в повторяющемся сочетании знаков.

³ Сама подлинность текста В не может быть пока с бесспорностью установлена.